

Научная статья

УДК 347.122

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-46-52

Гражданско-правовая защита от диффамации в цифровой среде

Яна Александровна Карунная

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

advokat2631@bk.ru

Аннотация

В работе рассмотрены практико-ориентированные проблемы гражданско-правовой защиты от диффамации, выделены основные правовые алгоритмы защиты от диффамации. На основе анализа нормативных положений и судебной практики автор приходит к выводу о том, что имеющиеся руководящие разъяснения по вопросам применения норм права не обеспечивают в действительности единообразия при их применении на практике. Используемая законодателем терминология характеризуется оценочностью, что создает предпосылки для расширительного и неправильного толкования положений закона, в результате чего успешность защиты от диффамации поставлена в зависимость не только от состояния правовой обеспеченности (нормативной базы), но и в значительной мере от качества правоприменения соответствующих норм права.

Ключевые слова

диффамация, честь, достоинство, деловая репутация, защита от диффамации, цифровые технологии, цифровое пространство

Для цитирования

Карунная Я. А. Гражданско-правовая защита от диффамации в цифровой среде // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2. С. 46–52. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-46-52

Civil Protection Against Defamation in the Digital Environment

Yana A. Karunya

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

advokat2631@bk.ru

Abstract

The paper considers practice-oriented problems of civil law protection against defamation, highlights the main legal algorithms for protection against defamation. Based on the analysis of normative provisions and judicial practice, the author comes to the conclusion that the available guidance clarifications on the application of legal norms do not actually ensure uniformity in their application in practice. The terminology used by the legislator is characterized by evaluation, which creates prerequisites for an expansive and incorrect interpretation of the provisions of the law, as a result of which the success of protection against defamation depends not only on the state of legal security (regulatory framework), but also to a large extent on the quality of law enforcement of the relevant legal norms.

Keywords

defamation, honor, dignity, business reputation, protection from defamation, digital technologies, digital space

For citation

Karunya Ya. A. Civil protection against defamation in the digital environment. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 46–52. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-46-52

© Карунная Я. А., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2

Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 2

В современных реалиях, когда границы использования цифровых технологий, обеспечивающих возможность трансграничной передачи информации, динамично расширяются, вопросы защиты от диффамации в цифровой среде становятся особенно актуальными, что обуславливает релевантные стимулы для их исследования с позиций науки и практики.

Справедливости ради отметим, что цивилистическое представление о диффамации имеет давнюю историю. Модели «exi stimatio», «status illesae dignitatis», «legibus ac moribus comprobatus», в прошлом заимствованные из римского права, получили свое развитие в законодательстве разных стран. Под влиянием германского понятия «Guter Leumund», традиционно распознаваемого как «хорошая репутация» и «доброе имя», в средневековом законодательстве, а в последствии и в законодательстве нового времени, укоренилось представление о праве всякого гражданина на доброе имя, а разглашение позорных фактов (ложный донос), как вид преступления против чести, постепенно расширилось, захватывая не только ложное обвинение в деяниях, составляющих преступление, но и всякие другие сообщения, обидные для чести [1].

В отечественном законодательстве не используется понятие «диффамация», однако правоприменитель констатирует необходимость при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам учитывать правовую позицию Европейского суда по правам человека. Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, значение, придаваемое понятию «диффамация» в постановлениях Европейского суда, тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 ГК РФ¹. По этой причине отсутствие в законе специальной дефиниции (понятия и определения диффамации) вряд ли можно считать дефектом, препятствующим защите чести, достоинства и деловой репутации. Представляется, что для целей правоприменительной практики, приведенных разъяснений может быть достаточно. Право на судебную защиту от диффамации по своей правовой природе может принадлежать как физическим, так и юридическим лицам. Одновременно оно выступает гарантией конституционных прав². Баланс значимых прав человека на свободное выражение взглядов и прав на защиту чести, достоинства и деловой репутации обеспечивается основополагающими конституционными положениями. При этом гражданское законодательство не предусматривает (да и не может предусматривать) правовое регулирование конституционных прав, однако оно закрепляет именно гражданско-правовые механизмы их защиты: например, денежное возмещение морального вреда, причиненного действиями, нарушающими конституционное право гражданина на создание репутации, опровержение сведений, порочащих репутацию гражданина [2, с. 33].

Распространение диффамационной информации потенциально способно привести к негативным последствиям – умалению чести, достоинства и (или) деловой репутации, претерпеванию страданий, обиды, возникновению убытков и др. Практика показывает, что в результате интеграции цифровых технологий в процесс передачи и хранения разного рода информации

¹ См.: п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации»; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2010 года № 323-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ускова Антона Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и пунктом 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации»; постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова» // СПС «КонсультантПлюс».

обеспечивается быстрый доступ к информационным данным, в том числе и тем, которые содержат персональные данные конкретных лиц. Судебная защита чести, достоинства и деловой репутации лица, в отношении которого распространены не соответствующие действительности порочащие сведения, не исключается также в случае, когда невозможно установить лицо, распространившее такие сведения (например, при направлении анонимных писем в адрес граждан и организаций либо распространении сведений в сети Интернет лицом, которое невозможно идентифицировать). По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина и после его смерти. Кроме того, в литературе отмечается, что в современных условиях вполне прикладной характер имеет также защита деловой репутации Российской Федерации, что важно для сохранения, поддержания и укрепления имиджа, престижа, образа, репутации Российской Федерации как внутри страны, в том числе среди российских граждан и иных лиц, так и на международной арене, в сфере международно-правовых, гражданско-правовых и прочих отношений [3, с. 65]. Право на репутацию по делам о диффамации в отношении России в сферах ее деятельности может иметь и общесоциальный характер, в силу чего Россия, как самостоятельный участник гражданско-правовых отношений, может быть субъектом диффамации наравне с гражданами и юридическими лицами [4, с. 24].

В юридической литературе диффамацию относят к межотраслевому институту права и выделяют следующие ее виды: 1) гражданско-правовая; 2) административно-правовая и 3) уголовно-правовая [5, с. 90; 6, с. 93; 7, с. 65 и др.].

С позиции гражданского права возможность защиты нематериальных благ предусмотрена статьями 150, 152 ГК РФ. Действующее правовое регулирование института защиты от диффамации устанавливает возможность заявления при предъявлении иска нескольких видов требований: об опровержении порочащих честь, достоинство или деловую репутацию сведений; о замене или отзыве документа; об удалении соответствующей информации, а также пресечении или запрещении дальнейшего распространения сведений; о признании распространенных сведений не соответствующими действительности; о возмещении убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением сведений. Однако к каждому виду требований применяется самостоятельный стандарт доказывания и необходимые правовые алгоритмы защиты от диффамации.

Обстоятельствами, имеющими в силу ст. 152 ГК РФ значение для дела, которые должны быть определены судом, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. При этом обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений. Способы и формы распространения порочащих сведений могут быть различными: опубликование в печати, трансляция по радио и телевидению, демонстрация в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении, недобросовестности при осуществлении деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица³.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации»; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2010 года № 323-О-О «Об отказе в принятии к рас-

Обобщение судебной практики Верховного Суда Российской Федерации позволило выделить следующие, принципиально важные выводы. Во-первых, информация, указывающая на противоправный характер поведения лица, создает негативное впечатление о деятельности лица, следовательно, является порочащей⁴. Во-вторых, истец не должен доказывать наличие сформированной репутации в той или иной сфере деловых отношений, поскольку предполагается, пока не будет доказано иное, что лицо, созданное в целях ведения соответствующей деятельности, осуществляет свою деятельность и ведет ее добросовестно, а деловая репутация как нематериальное благо, наряду с честью, достоинством и добрым именем, является неотъемлемым элементом правового статуса лица⁵. В-третьих, при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности⁶. При этом наличие в каком-либо высказывании субъективной оценки само по себе не исключает присутствие в нем утверждений о факте. Выражение негативного отношения к нарушению другим лицом закона, к совершению им нечестного поступка, к нарушению деловой этики и т. д. может не исключать, а напротив, содержать утверждение о том факте. Поэтому в случае установления негативного характера оспариваемых материалов и сведений необходимо установить, являются ли они порочащими и соответствуют ли они действительности⁷. В-четвертых, в качестве диффамационных могут быть также верифицированы сведения, содержащиеся в обращениях в государственные и иные органы. При применении ст. 152 ГК РФ суды вправе и обязаны на основе фактических обстоятельств в каждом конкретном случае выяснять, было ли обращение в государственные органы, органы местного самоуправления обусловлено стремлением (попыткой) реализовать свои конституционные права или оно связано исключительно с намерением причинить вред другому лицу⁸, ибо, как справедливо отмечает С. В. Потапенко, злоупотребление субъективным правом на свободу мысли, слова, мнения и массовой информации представляет собой гражданское правонарушение (в том числе диффамационный деликт), совершаемое в рамках конкретного правоотношения по реализации субъективного права на свободу мысли, слова,

смотрению жалобы гражданина Ускова Антона Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и пунктом 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации»; постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: определения Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2016 № 309-ЭС16-10730, от 18.07.2018 № 305-ЭС18-3354 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: определение № 305-ЭС21-14231 по делу № А41-54681/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: пункт 5 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.03.2016; определения Верховного Суда Российской Федерации № 309-ЭС16-10730 от 5.08.2014 № 5-КГ14-51; п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017; п. 11 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023), утв. Президиумом Верховного Суда 15.11.2023; определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.03.2018 № 305-ЭС17-19225 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.03.2023 № 5-КГ22-147-К2; определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС21-14231 по делу № А41-54681/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

мнения и массовой информации, но с нарушением его пределов, с намерением причинить вред другим лицам, а также путем действий в обход закона с противоправной целью и иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав чести [6, с. 39].

Однако анализ судебной практики показывает, что в отдельных случаях оценка оспариваемых сведений осуществляется судами без учета приведенных положений. Так, например, из решения арбитражного суда, принятого по делу о защите деловой репутации юридического лица, следует, что оспариваемые сведения «не порочат деловую репутацию истца, основаны на сведениях, ранее распространенных в сети «Интернет» на основе общественного мнения», «информация, изложенная в обращении ответчика, представляет собой интерпретацию общественного мнения, которое ответчик, в свою очередь, посредством видеозаписей, намерен донести до широких масс населения»⁹. Примечательно, что вместо фактической оценки сведений суд мотивировал свои выводы ссылками на «многочисленные публикации», выдаваемые в поисковой строке браузера по запросу суда, которые в материалах дела отсутствуют. В судебном акте также не приведены названия публикаций, источник их опубликования, режим доступа и другие данные, с помощью которых можно было бы их идентифицировать. Более того, как следует из материалов дела, вопрос об оценке информации из сети Интернет судом на обсуждение сторон не ставился, что указывает, по нашему убеждению, на нарушение базовых процессуальных предписаний закона и общеправового принципа, сформулированное еще в Древнем Риме: *audi alteram partem*. В постановлении апелляционной инстанции по данному делу приведен вывод о том, что «суд первой инстанции не лишен права исследовать обстоятельства дела самостоятельно, в том числе на стадии изучения материалов дела и подготовки дела к рассмотрению». Однако приведенные выводы суда представляются ошибочными, поскольку при вынесении судебного решения недопустимо основываться на доказательствах, которые не были представлены сторонам и не исследованы судом в соответствии с нормами процессуального закона¹⁰. Кроме того, судебные акты, принятые по делу, содержат взаимоисключающие, внутренне противоречивые выводы. В отношении одних и тех же оспариваемых сведений суды первой и вышестоящих инстанций, без проверки на предмет действительности, квалифицируют их по-разному: «ответчик выразил общественное мнение», «информация, является субъективным мнением автора, где он высказывает свои суждения и предположения относительно фактических событий», «информация, изложенная в обращении ответчика, представляет собой интерпретацию общественного мнения». Представляется, что закон не допускает возможности верифицировать оспариваемые сведения как интерпретацию общественного мнения, по смыслу закона оценке подлежат сами распространенные сведения. Иными словами, ссылки суда на интерпретацию общественного мнения не имеют юридического значения и не могут обосновывать фактический отказ суда от оценки самих оспариваемых сведений. Таким образом, несмотря на то, что приведенная оценка судами оспариваемых сведений вступает в противоречие с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, ее «результаты» все же легли в основу судебных постановлений. Однако при разрешении дела судами не дано оценки тому, могут ли оспариваемые высказывания быть проверены на предмет соответствия действительности.

В литературе обоснованно отмечается, что доверие населения к судебной власти, ее рейтинг во многом основываются на прозрачности решений, принимаемых конкретными судьями,

⁹ См.: определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; решение Арбитражного суда Новосибирской области по делу № А45-4604/2014. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁰ Дело № А45-14466/2024. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 01.03.2025).

что непосредственно связано со степенью обоснованности и мотивированности данных решений. Имеется ряд эмпирических исследований, результаты которых свидетельствуют о преобладающем негативном отношении современных россиян к судебной системе. Материалы прикладных социологических исследований, включивших фокус-групповые исследования, показывают, что судьи, с точки зрения граждан-респондентов, склонны мотивировать свои решения четко и обстоятельно в тех случаях, когда они проявляют честность и четкое следование законодательству. В том случае, когда, как полагают опрошенные, суд лоббирует интересы одной из сторон, мотивировка решения может быть непонятной [9, с. 192–194].

Резюмируя изложенное, важно признать, что стремительное развитие цифровых технологий и их применение практически во всех сферах общественных отношений создает все новые вызовы для правоприменителей. Анализ судебной практики показывает, что имеющиеся руководящие разъяснения по вопросам применения норм права не обеспечивают единообразие при их применении. Используемая законодателем терминология характеризуется оценочностью, что создает предпосылки для расширительного и неправильного толкования положений закона. Успешность защиты от диффамации зависит не только от состояния правовой обеспеченности (нормативной базы), но и в значительной мере – от качества правоприменения соответствующих норм права.

Список литературы

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. URL: <https://foreign.slovaronline.com/4579-DIFFAMATSIYA> (дата обращения: 28.02.2025).
2. **Рожкова М. А., Глазкова М. Е., Афанасьев Д. В., Ворожевич А. С.** Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): науч.-практ. пособие; под общ. ред. д-ра юрид. наук М. А. Рожковой. М.: Статут, 2015. 270 с.
3. **Кузнецов М. Н., Тельнов А. В.** Гражданско-правовая защита репутации Российской Федерации от диффамации // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2022. Вып. 55. С. 48–69.
4. **Севостьянов В. В., Минеев О. А.** О гражданско-правовых механизмах защиты Российской Федерации от диффамации // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 3. С. 20–28.
5. **Родина Л. В.** Диффамация в российской юридической науке // Образование и право. 2023. № 6. С. 89–91.
6. **Невзгодина Е. Л., Парыгина Н. Н.** Диффамация как правовая категория // Вестник Омского ун-та. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 86–94.
7. **Никишин В. Д.** Диффамационные правонарушения как угроза медиабезопасности: виды, признаки, особенности доказывания // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. (10). С. 61–68.
8. **Потапенко С. В.** Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации как правомерное ограничение злоупотребление правами выражения своего мнения и убеждения, на свободу мысли, слова и массовой информации // Юридический вестник Кубан. гос. ун-та. 2018. № 4. С. 35–43.
9. **Шадже А. М., Шадже М. Г.** Отношение россиян к судебной системе: факторы формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 191–194.

References

1. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 supplements). St. Petersburg, 1890–1907. URL: <https://foreign.slovaronline.com/4579-DIFFAMATSIYA> (date of application 02/28/2025). (in Russ.)

2. **Rozhkova M. A., Glazkova M. E., Afanasyev D. V., Vorozhevich A. S.** Protection of business reputation in cases of defamation or unlawful use (in the field of commercial relations): Scientific and practical stipend; under the general editorship of Doctor of Law M. A. Rozhkova. Moscow, Statute publ., 2015, 270 p. (in Russ.)
3. **Kuznetsov M. N., Telnov A. V.** Civil protection of the reputation of the Russian Federation from defamation. *Bulletin of the Perm University. Legal sciences*, 2022, iss. 55, pp. 48–69. (in Russ.)
4. **Sevostyanov V. V., Mineev O. A.** On civil law mechanisms for protecting the Russian Federation from defamation. *Legal Concept = The legal paradigm*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 20–28. (in Russ.)
5. **Rodina L. V.** Defamation in Russian legal science. *Education and Law*, 2023, no. 6, pp. 89–91. (in Russ.)
6. **Nevzgodina E. L., Parygina N. N.** Defamation as a legal category. *Bulletin of Omsk University, The Pravo series*, 2016, no. 2 (47), pp. 86–94. (in Russ.)
7. **Nikishin V. D.** Defamation offenses as a threat to media security: types, signs, and features of proof. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*, 2024, (10), pp. 61–68. (in Russ.)
8. **Potapenko S. V.** Civil law protection of honor, dignity and business reputation as a legitimate restriction on abuse of the rights to express one's opinion and beliefs, freedom of thought, speech and mass media. *Law Bulletin of Kuban State University*, 2018, no. 4, pp. 35–43. (in Russ.)
9. **Shadje A. M., Shadje M. G.** The attitude of Russians to the judicial system: factors of formation. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 2021, no. 2, pp. 191–194. (in Russ.)

Информация об авторе

Карунная Яна Александровна, кандидат юридических наук

Information about the Author

Yana A. Karunya, Candidate of Law

*Статья поступила в редакцию 11.03.2025;
одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 21.03.2025*
*The article was submitted 11.03.2025;
approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 21.03.2025*